

УДК 947.07

*Ю.Н. Смирнов**

**МАТЕРИАЛЫ О САМАРСКОМ КРЕСТЬЯНСТВЕ ДОРЕФОРМЕННОЙ ЭПОХИ
В РУССКОМ ГЕОГРАФИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ И ИХ АВТОРЫ****

В статье рассматриваются историко-культурные, статистические и этнографические материалы о сельском населении Самарского Поволжья, полученные в середине XIX в. в Русском Географическом обществе, социальный и профессиональный состав их авторов.

Ключевые слова: Россия в XVIII–XIX вв., история Поволжья, локальная история, источниковедение, провинциальная культура.

Труды по Самарскому Поволжью и его сельскому населению, созданные в середине XIX в., оставались долгое время не включенными в историографическую и источниковедческую базу локальной истории. Столетний промежуток от 40–70-х годов XVIII в., отмеченный известными трудами П.И. Рычкова и описаниями путешествий П.С. Палласа, И.И. Лепехина и других участников академических экспедиций до появления во второй половине XIX в. довольно многочисленных фольклорно-этнографических изысканий и работ по региональной истории, географии и культуре, заполнялся позднейшими исследователями в основном сведениями из архивных дел или справочно-статистических обзоров. К ним добавлялось ограниченное число выписок из дневников, писем и воспоминаний, какое-то время живших или просто побывавших тогда в Самаре и ее ближней округе [1]. В начале XXI в. этот круг источников был расширен при подготовке обобщающих и специальных трудов, например публикациями в новом содержательном сборнике материалов по истории края [2]. Тем не менее труды людей, изучавших Самарский край с конца 18-го столетия до начала 1860-х гг., почти не упоминались в обобщающих работах и учебных пособиях по местному краеведению [4]. Ситуацию частично исправил выход антологии, в которой были переизданы некоторые публикации по истории края, вышедшие в 1840–1850-е гг. [5]

Среди путей поиска не введенных в научный оборот этнографических и историко-культурных материалов стало обращение к деятельности одного из самых влиятельных и эффективно действовавших научных обществ страны — Русского Географического общества (РГО), основанного в 1845 г. Постепенное включение жителей края в деятельность РГО началось еще до образования Самарской губернии в 1851 г., то есть до появления здесь средств активизации интеллектуальной жизни, присущих административному центру высокого ранга: газет, типографий, губернского статистического комитета и др. При этом корреспонденты РГО не были ограничены неболь-

* © Смирнов Ю.Н., 2013

Смирнов Юрий Николаевич (smirnov195503@yandex.ru), кафедра документоведения Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.B37.21.0004 ««Обретение родины»: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI — начало XX в.)».

шим объемом газетной публикации и заданностью тематики официальной статистики. Характер материалов, представленных в РГО, более соответствовал общественным и личным интересам, нежели заметки в прессе или справки для администрации. Деятельность научного общества часто опережала и обеспечивала провинциальные газеты готовыми краеведческими материалами. В измененном и сокращенном виде некоторые материалы, представленные в РГО, были затем опубликованы в «Губернских ведомостях» Симбирска [6] и Самары [7].

Издания самого РГО не могли растиражировать весь поток поступавшей информации. Из полученного в 1840–1850-е гг. и относящегося к интересующему нас региону в них не было напечатано почти ничего. Введение этих материалов в научный оборот стало делом позднейших исследователей при написании обобщающих трудов по истории Самарского края [10] и отдельных его территорий [8], освоения Поволжья [9] и управления этим регионом [3]. Осуществлялось и издание отдельных корреспонденций в РГО [11], но число таких публикаций остается небольшим, что требует изысканий непосредственно в Научном архиве Русского Географического общества (НА РГО). В данной статье представлен анализ обнаруженных этнографических, статистических и исторических материалов, относящихся к сельскому населению Самарского края.

Присланные с мест «Рукописи трудов членов РГО и отдельные документы» скомпонованы в научном архиве по разрядам, соответствующим административным единицам, хотя деление это условно, поскольку рукописи могли содержать сведения по разным губерниям, причем состав последних претерпевал изменения. Материалы по Самарскому Поволжью и Заволжью имеются в разрядах (так называются многие фонды НА РГО) № 26 «Оренбургская губерния», № 34 «Самарская губерния», № 36 «Саратовская губерния», № 37 «Симбирская губерния», № 48А «Россия» (далее указания на эти фонды и дела даются в тексте в круглых скобках). Ориентировке в делах разрядов «Рукописей трудов членов РГО» помогает наличие опубликованной описи [12].

Некоторые из поступивших в РГО рукописей схожи с официальными или полуофициальными отчетами, документами, которые можно найти в государственных архивах и статистических изданиях. Нередко встречающееся оформление их в виде сборников облегчает сопоставление и сравнение их данных. Так, в «Сборнике описаний Оренбургской губернии» (Р. № 26. Д. 19) сведены 4 статистических обзора первой трети XIX в., в том числе по заволжским Бугульминскому, Бугурусланскому и Бузулукскому уездам, разных составителей (П. Чичагов, А. Тимофеев, Оренбургская казенная палата, канцелярия военного губернатора). В отдельном деле находится еще одно «Краткое описание Оренбургской губернии, составленное в 1817 году» (Р. № 26. Д. 15).

Среди присланных рукописей есть копии распоряжений правительственных органов, выбранные в силу значимости поднятых проблем для населения Заволжья в целом. Таковы докладные записки об отдаче в аренду «казенных пустопорожных земель» (1842 г.), рисующие картину распахиwania степей на юге Самарского Заволжья под посевы хлеба (Р. № 36. Д. 1–2). Вообще тема быстрого превращения края в житницу России и влияния этого процесса не только на экономику, но и на быт, нравы разных народов и сословий проходит красной нитью практически через все связанные с рассматриваемым временем материалы, в том числе этнографического характера.

Ряд рукописей был получен от должностных лиц, уже ушедших со своих постов в Заволжье, но продолжавших заниматься изучением этого края и стремившихся поделиться знаниями и опытом. Бывший губернатор А.М. Фадеев представил в РГО «Очерки статистического описания Саратовской губернии», в том числе ее заволжс-

кой части, впоследствии переданной в Самарскую губернию, пополнив данные официальных отчетов собственными замечаниями и наблюдениями (Р. № 36. Д. 9). Кроме современных сведений, здесь приведено немало исторических. Ряд рукописей, полученных РГО из Саратова, принадлежат уже упоминавшемуся А.Ф. Леопольдову (Р. № 36. Д. 10; Р. № 48А. Д. 41).

В том же архиве в личном фонде П.И. Кеппена (НА РГО. Ф. 2) хранятся неопубликованные материалы для этнографической карты России. Есть здесь сведения и по Самарской, а также по соседним губерниям (численность и размещение жителей разных национальностей), полученные из местных учреждений и других источников. Среди лиц, представивших эти материалы, вновь встречается имя А.Ф. Леопольдова.

Нижегородский (а прежде саратовский) епископ Иаков прислал «Статистический очерк Саратовской епархии 1845 года, извлеченный из актов, хранящихся при делах Саратовской консистории» (Р. № 36. Д. 23). От последнего были получены в 1846–1847 гг. еще два сочинения историко-полемиического характера: «Записки о разных сектах» и «Записка о расколе беглопоповской секты по Саратовской епархии» (Р. № 36. Д. 42, 48), которые дополняют круг работ церковного деятеля об особой этноконфессиональной группе заволжских старообрядцев и их иргизском центре, введенных в научный оборот [13].

Еще более интересны работы, выполненные по просьбе и инициативе самого РГО, где преобладают сведения, как правило, не входившие в официальные отчеты и документы государственных учреждений. В материалах архива есть рукописи профессора Симбирской семинарии Д.Н. Орлова «История села Усолья, Сызранского уезда» и «Простонародные свадебные обряды и песни села У. Сызранского уезда», написанная в 1850-е гг. (Р. № 37. Д. 39,6). Речь в них идет не только о правобережном Усолье, но и о селениях на противоположном берегу Волги.

Отдельным селениям в Заволжье посвящены «Ответы на вопросы по разным частям сельского хозяйства», присланные в 1852 г. из сел Съезжего и Максимовки Бузулукского уезда, ныне Богатовского района Самарской области (Р. № 34. Д. 3,25). В предложенном из РГО вопроснике наряду с хозяйственными поднимались проблемы состояния нравственности, образования, «домоустройства», которые по мере сил были освещены корреспондентами, священниками Михаилом Спиридоновым и Федором Соколовым. Правда, некоторые этнографические и фольклорные запросы РГО вызвали у сельского духовенства неприятие и даже раздражение. Так, по поводу предложения сообщить «местные замечания и поверья относительно возделывания растений» максимовский священник ограничился заявлением, что «все эти замечания пред Всемогушеством Божиим ничто», а съезжинский с удовлетворением за своих прихожан заметил: «Но сии и подобные сим поверья отнюдь не укореняются в характере крестьян и не доходят до суеверий и предрассудков...» Правда, позднее, в конце 1850-х гг., М. Спиридонов, который перешел на службу в с. Козловку Бугурусланского уезда, написал в РГО большую статью «Нечто о русской народности в этнографическом отношении по Самарской губернии», уделив теперь внимание выяснению мест выхода переселенцев в Заволжье, их костюму, жилищу, говору, а также обычаям, поверьям и фольклору (Р. № 34. Д. 16).

Более подробно и охотно в 1852 г. священники описывали хозяйственную деятельность крестьян, основу которой здесь составляло земледелие. Основными культурами являлись рожь, овес, ячмень, пшеница, горох, просо, полба. Производство зерна было почти единственным источником доходов местных жителей. В Максимовке на душу м.п. приходилось у государственных крестьян 15 десятин «пахотной, сенокосной и подлесной земли», а у удельных крестьян того же села — по 7 десятин. В этом селе передел осуществлялся после каждой ревизии по числу установленных душ мужского пола «однажды навсегда» до следующей ревизии. К середине XIX в.

прочно утвердилось трехполье: «Земли у крестьян под посев хлебов разделяются на три поля; одно поле определяется для озимых хлебов, другое для яровых, третье оставляется под пар, который служит пастбищем для скота, особой же земли под пастбище не оставляется, если же оставляется, то в малом количестве только для прогона скота».

Пастьба скота по пару частично заменяла удобрение полей навозом, поскольку «крестьяне свою землю не удобряют, собственно потому что каждый старается посеять хлеба в большем количестве, а при большом посеве невозможно... удобрять почву». Борьба с сорняками, вредителями и болезнями растений не велась вовсе: «Ухода за растениями во время их роста никакого не производится. Дикорастущие травы произрастают в хлебах, именно пырей и острец в сухие года, молочай в дождливые года. Пшеница и овес страдают от головни в дождливые года. Мер к устранению этих болезней никаких не принимается... Временем появляются насекомые, как то черви и кобылки, которые совсем истребляют не только хлеба, но даже и травы, особенно в сухие года; пропадают насекомые после сильных холодных дождей; мер к истреблению их еще до сих пор никаких не предпринималось».

Среди орудий труда были известны русская соха, «которая состоит из 2-х сошников и полицы, которая отваливает землю в одну сторону», одно- и двуконный плуг («он состоит из лемеха, отреза и подмоги или винта, которым уравнивается лемех для правильного хода»), деревянные бороны с дубовыми зубьями или железными костылями «для сокрытия семян в землю». Иногда применялся каток. Для жатвы ржи использовались серпы. Косы с приделанными к ним 3–4 зубьями, называемыми «граблями», употреблялись для уборки гороха, гречихи, овса и чечевицы. Вообще же выбор серпа или косы осуществлялся, «смотря по высоте хлеба», а также от того, как скоро надо осуществить уборку. Жители исходили из следующего расчета: «Косою скорее убирается хлеб, но более тратится хлеба, поэтому выгоднее хлеб убирать серпом; один посредственный жнец сможет сжать десятину озимого хлеба в 10 и 11 дней, а хороший в 8 и 9, или 10 и 11 женщин могут сжать десятину в один день, а скосить десятину в один день могут два человека, две вязальщицы и один гребец». Из двух способов молотьбы, цепами и лошадьми, преобладал в данном районе второй способ. В заволжских степях особенно ценной товарной культурой была пшеница, она занимала в посеве особенно важную долю. А крестьяне считали пшеницу «хлебом крепким» при обмолоте, с трудом поддающимся ручной молотьбе.

Огородничество не носило товарного характера. Огородные культуры выращивались «только для домашних нужд, а не для продажи», и вообще, по мнению священника из Максимовки, «на эту отрасль хозяйства еще не обращено надлежащего внимания». Он же добавлял, что «садов в описываемой местности совсем нет». Животноводство здесь имело подсобное значение. Разводили домашний скот — лошадей, коров и овец. Лошадей использовали для полевых работ, коров держали ради молока, овец — на мясо, сало и шерсть. Выделка овчин долгое время местным населением не практиковалась. Но к середине XIX в. дубление овчин получило распространение. Правда, занимались этим в здешних селениях в основном пришлые из других губерний мастера. У русского и мордовского населения был «рогатый скот преимущественно... простой мелкой породы», а «на улучшение лошадей не обращено никакого внимания; лошади у крестьян обыкновенные — русской мелкой породы». Уже к середине XIX в. ощущался недостаток лугов и пастбищ, что сдерживало развитие животноводства в крестьянском хозяйстве: «Естественные луга в описываемой местности находятся прибрежные и притом поемные, степные, лесные, тех и других по количеству душ весьма мало... После уборки сена выгоняют в луга пасти скот. Этот обычай имеет вредные последствия для урожая травы на будущее время; впрочем это делается не из какой-нибудь прихоти, а собственно по малоземелию».

Охота и рыболовство не играли заметной роли в хозяйстве. Вот как описывал отношение своих прихожан к этим занятиям священник церкви в Максимовке: «Реки Самара, Съезжая и Ветлянка... озера проточные и стоячие, в которых водится рыба низшего разряда, как то: караси, щуки, лини, окуни, сорошки, только рыба эта не составляет особого промысла людей; есть, правда, и охотники, которые занимаются рыболовлюю, но в малом количестве для себя и для продажи другим... Местность эта, как обильная реками и озерами, то ее летом посещают дикие утки, гуси, лебеди и другие птицы, но в малом количестве и остаются в покое». Относительно лесных обитателей отец Федор Соколов выразился тоже достаточно ясно, что «они не беспокоят жителей, а их не беспокоят жители. Только на случай нападения хищников на домашний скот крестьяне и держат небольшое количество ружей и копья, а «звериная охота особого промысла людей не составляет».

Более краткие сельскохозяйственные сведения и только о посеве хлеба были получены в 1852 г. от Модеста Раковского из с. Нового Семейкина близ Самары (Р. № 34. Д. 4). Две бытовые и этнографические заметки прислал священник села Пестравки Николаевского уезда (ныне — район Самарской области) Николай Попов «Побывка русского солдата на родину и встреча ему от родных» и «Следствие суеверия (случай в селе М. Николаевского уезда)» (Р. № 34. Д. 1, 17). Точно датирована вторая из этих заметок — 1857 г., а первая написана, видимо, также в 50-х гг. XIX в.

Из Николаевского же уезда были получены две рукописи от священника с. Рахановки (Липовки) Марка Островидова (Р. № 34. Д. 20, 21). Одна написана в 1853 г. и называется «Об исследовании домашних лекарственных снадобий и других способов лечения, находящихся между простолюдинами». Вторая является записью, а точнее, прозаическим пересказом «Песни молодой жены».

Активно откликнулось на запросы РГО удельное ведомство, заведовавшее обширными владениями императорской фамилии. По материалам, представленным из селений Самарского и Ставропольского уездов, чиновник этого ведомства А. Каминский составил в 1854 г. «Краткий очерк быта и состояния крестьян Самарской удельного имения» (Р. № 34. Д. 22). Этнографический интерес у него стал ведущим. Очерк делится на части, посвященные русскому, мордовскому, чувашскому, татарскому населению. Довольно подробно описаны жилище, одежда, утварь, празднества и другие приметы народного быта. Приведены образцы фольклора, в том числе записи на языках Поволжья с русским переводом, чертежи фасадов крестьянских домов и план размещения хозяйственных построек. Хозяйственные вопросы в этом очерке отодвинуты на второй план, но внимательно подчеркнуты перемены в образе всей жизни, связанные с переходом к товарному производству хлеба. Переломным стал, согласно сведениям Каминского, 1833 год, когда одновременно с большим урожаем поднялись цены на рожь и пшеницу, которые «обольстили крестьян». Те, кто позажиточнее, «удвоили у себя для пшеницы запашку; не жалея денег, нанимали в отдаленных местах на значительные сроки неподнятые земли, распахивали их наймом с большими для себя расходами». При этом «быт народа совсем изменился и, по-видимому, улучшился».

Однако старые патриархальные представления не сразу покидали сознание крестьян. «Остались при них в прежнем виде одни суеверия и предрассудки, — замечает автор и приводит следующий случай: — В достопамятный 1833 год, Ставропольского уезда в селе Новой Бинаратке мордвин Семен Буянов продал ржи на 10 тыс. рублей ассигнациями; на гумне у него осталось на такую же сумму... “Продай хлеб”, — говорили ему торговцы. — “Зачем? — отвечал Буянов, — денег у меня довольно, я лучше буду ходить на гумно и любоваться им!” Вскоре после того Буянов занемог. Почувствовав, что скоро умрет, призвал к себе своих детей и умолял их, чтобы

1000 руб. положены были с ним». Автор записки полагал, что «едва ли исполнена его просьба».

Впрочем, и без этого курьезного случая Каминский наблюдал, что мордва Заволжья любит и усердно занимается хлебопашеством, а их женщины «превосходно пекут ржаной хлеб». Из занятий, которые в целом отличают местную мордву от соседей-хлебопашцев из других национальностей, автор выделяет пристрастие к охоте, для чего «они держат много борзых и дворовых собак, с которыми по первовыпадшему снегу, или пороше, ездят... травить зайцев и волков». Чиновник удельного ведомства не очень доволен таким увлечением своих подопечных, из-за которого теряется «много времени» и крестьяне, «преследуя этих зверей, нередко портят своих лошадей».

Как еще одну особенность этого народа Каминский отмечает: «Мордва знают действия многих полезных и вредных трав». Это знание использовалось и в домашних промыслах (например, «на залогах вырывают они корни травы Марены и ими отлично красят в красный цвет шерстяные и льняные нитки для вышивания своих нарядов»), и в народной медицине, и в ворожбе, которой их «женский пол ... славился», что признавали даже русские соседи. Впрочем, утверждает Каминский, несмотря на приверженность суевериям, удельные крестьяне из мордвы — поголовно православные, высоконравственные и очень набожные люди, не начинающие никакого дела без молитвы: «Молитвы их просты, относятся к одному Вседержителю, всегда с твердым упованием на его милосердие и помощь. Они молятся не об одних самих себе, но о целом мире. Душа их проникнута чистою верою».

Очерк Каминского, рассмотренный выше, дополняется «Этнографическим описанием удельных крестьян Ставропольского уезда» (Р. № 34. Д. 24). Оно меньше по объему и касается только села Аврала с окрестностями.

Схожий по содержанию «Опыт описания экономического быта крестьян села Титовки Самарского уезда» был составлен Н.Е. Симаковым позднее, уже в 1878 г., но содержит этнографические сведения о местном мордовском населении и более раннего времени (Р. № 34. Д. 11). Этот уроженец Самарской губернии был выпускником Академии художеств. По основному месту службы Симаков работал чиновником удельного ведомства, но получил известность, прежде всего как художник-декоратор и педагог, собиратель и пропагандист народного художественного творчества. Даже в самом прославленном его произведении — эскизе Самарского знамени, врученном в 1877 г. болгарским ополченцам и ставшем национальной святыней Болгарии, символом ее освобождения от османского ига, были использованы наряду с иконописными мотивы народного орнамента, блестящим знатоком которого он являлся [14].

На мастерски выполненном цветном рисунке в рукописи Симакова изображены молодые женщины в традиционном мордовском и русском костюмах, причем последний, как пояснял автор, уже вытеснил из обихода старый национальный наряд. В качестве еще одной иллюстрации приложен подробный план мордовской крестьянской усадьбы в Титовке. Симаков считал мордву лучшими знатоками сельского хозяйства, находил у них больше «удобств и приспособлений для помещений скота и других продуктов», а устройство усадьбы полагал очень практичным, благодаря тому, что скот никогда не ходил по ней «чистым двором».

В 1847 г. участниками деятельности Русского Географического общества по сбору фольклорного и этнографического материала стали сами удельные крестьяне Самарского Поволжья. В Государственном архиве Ульяновской области сохранилось дело Сызранской удельной конторы «О собирании сведений для Географического общества». Оно содержит черновой материал, на основании которого чиновниками составлялся окончательный отчет для отсылки в РГО. При обработке этих материалов были получены интересные сведения о бытовавших здесь произведениях устного народного творчества [15].

Фольклорные записи, собранные здешними крестьянами для РГО в 1847 г., являются старейшими из сделанных в Самарском крае. Они предвосхитили будущую работу собирателей и исследователей местного фольклора.

Обширное «Описание Волжского побережья Самарской губернии и замечательнейших его местностей» было составлено коллежским секретарем Н.В. Вороновым (Р. № 34. Д. 6). О рукописи упоминал П.В. Алабин, но ошибочно называл ее кратким статистическим описанием Самарской губернии, что неправильно характеризует полноту и географические рамки работы. Труд Воронова, служившего чиновником по особым поручениям при губернаторе К.К. Гроде, выполнен после того, как последний в 1854 г. получил просьбу вице-президента РГО М.Н. Муравьева собрать сведения для предстоящей поездки по Волге великого князя Константина Николаевича, являвшегося президентом этого общества [16].

Подобно другим современникам, автор останавливается на последствиях триумфального шествия по заволжским полям твердой пшеницы «белотурки», называя десятилетие между 1835 и 1845 гг. «настоящей белотурочной лихорадкой». Возможные подозрения в использовании американизма сразу отпадают, так как до «золотой лихорадки» Клондайка, рассказов Джека Лондона и знаменитого фильма Чарли Чаплина оставалось еще более полувека.

Наряду с описанием географии и экономики края в рукопись Воронова включен и «Этнографический обзор». Он охватывает не только оседлые народы, но и кочевников-башкир.

Вороновым четко обозначены тенденции хозяйственного и культурного сближения различных этнических групп, обусловленные в значительной мере не только фактом совместного проживания, но и развитием товарного производства. Для тогдашней местной администрации подобные явления представлялись очевидными: «В отношении свойств этого населения должно сказать, что оно при всем разнообразии своего исторического происхождения уже достаточно слилось между собою, усвоило общие черты в характере. Развитие торговли и хлебопашества, принявшего промышленное (товарное. — Ю.С.) направление, более всего благоприятствовало в этих отношениях, возбуждая новые потребности и новые понятия... Вследствие того здешний крестьянин является уже потребителем значительного количества фабричных предметов и всякого рода изделий, необходимых для его хозяйственного быта, доставляемых теперь из верховых губерний... При таком направлении быстро изглаживаются те особенности внешней и внутренней жизни народа, которые обыкновенно остаются неизменяемыми в местах, более удаленных от промышленных (товарных. — Ю.С.) центров». Подобные процессы приводили к тому, что «общие черты русского населения принадлежат в некоторых отношениях также инородцам», хотя «последние удерживают многие им только свойственные особенности».

В подсчетах численности этнических групп по отдельным территориям Воронов, в частности, отмечает заметную долю мордвы. Так, в Самарском уезде она составляла вторую по количеству народность (7320 душ мужского и 7955 женского пола), уступая русским (соответственно 68 736 и 75 566 душ), но заметно превосходя чувашей (2964 мужчин и 3206 женщин) и татар (соответственно 2730 и 3049 чел.). Второй по численности этнической группой мордва, по сведениям Воронова, была и среди населения всей Самарской губернии, насчитывая 64 288 душ мужского и 68 977 женского пола.

Однако Воронов полагал, что численность жителей мордовского происхождения была еще выше, но ее сокращали процессы ассимиляции. Он писал, что «мордва исключительно занимается земледелием», что представители этого народа «трудолюбивы, отличаются простотою нрава, вообще высоки ростом и крепко сложены», и «там, где они живут в ближайшем сообщении с русскими, они не чуждаются

родственных отношений с последними и в таких случаях оставляет свою народную одежду и даже свой язык». Воронов приходит к выводу: «Мордва во многих селениях до такой степени обрусели, что совершенно изгладились следы их племенного происхождения, и потому в настоящее время невозможно получить об них верных численных данных. Для примера можно указать на два селения в Самарском уезде, Спиридоновку и Кануевку, в которых ныне состоит до 4 тыс. жителей, происходящих за самым малым исключением из мордвы, но они во всех официальных сведениях признаются за русских по невозможности отделить их число от сих последних. Такое стремление мордвы к восприятию русских нравов разительнее всего обнаруживается тем, что во всех мордовских селениях, даже там, где вовсе нет русских, можно услышать только русские песни. Новое поколение совершенно не знает мордовских песен, которые хранятся теперь только в памяти стариков».

Несвободно описание Воронова от некоторых неточностей, в том числе в отношении размещения мордовского населения по отдельным территориям Заволжья. Его утверждение, что в Самарской губернии мордва проживает «во всех уездах, кроме Николаевского и Новоузенского», опровергается другими источниками, включая находящиеся в том же архиве РГО и уже упоминавшиеся материалы П.И. Кеппена, в которых приводятся данные о наличии в вышеназванных южных уездах значительных по численности групп мордовских крестьян, соответственно 10 671 чел. обоего пола в первом из них и 2199 чел. — во втором. Присутствие мордвы среди жителей всех уездов Самарского Заволжья подтверждает и официальный «Список населенных мест» губернии [17].

К числу чиновников, обогативших своими изысканиями об этнографии народов Заволжья собрание рукописей РГО, относится землемер, титулярный советник Владимир Лосиевский. В 1849 г. им были представлены «Чувашские песни, собранные от чуваш Бугурусланского уезда», а в 1850 г. — «Праздник очищения калмык от грехов» (Р. № 34. Д. 23, 18).

Об участии провинциального учительства в работе РГО говорят рукописи преподавателя Самарского уездного училища Г.Н. Потанина «Записки о Самаре» и «Дедушка из Самары» в РГО в 1854 г. (Р. № 26. Д. 15, 19). В них речь идет в основном о городе, но уделено внимание и сельскохозяйственному освоению его окрестностей, и отрицательному отношению простых горожан и местной интеллигенции к помещичьему произволу в отношении крепостных крестьян. Статья схожего содержания, но более краткая под заголовком «Несколько слов о жителях города Самары» была прислана в РГО в 1855 г. другим учителем Самарского уездного училища Н. Юнгом (Р. № 34. Д. 27). Также учителем, но из Петербурга, К.Г. Евлентьевым была записана в Бузулукском уезде и отослана в 1857 г. в РГО сказка «Похождение Федора Тырина» (Р. № 34. Д. 5).

В архивных фондах Русского Географического общества оказались собраны драгоценные свидетельства прошлого. Они свидетельствуют о наличии в середине XIX в. искреннего стремления соотечественников к познанию страны и ее отдельных территорий, благодаря чему в этих материалах достаточно полно отразились хозяйственные занятия, быт и культура самарского крестьянства.

Библиографический список

1. Путешествие в прошлое. Самарский край глазами современников. Самара, 1991.
2. Самарское Поволжье с древности до конца XIX в.: сб. документов и материалов. Самара, 2000.
3. Смирнов Ю.Н. Эволюция государственного управления и административных структур (от временных комиссий 1730-х годов до внутренней губернии империи

- середины XIX в.) // «Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.) Ч. 1. Самара, 2013.
4. Храмов Л.В. Введение в Самарское краеведение. Самара, 2003. С. 32, 164.
 5. Классика Самарского краеведения: антология. Самара, 2002.
 6. Орлов Д.Н. Простонародные свадебные обряды и песни села Усолья Симбирской губернии // Симбирские губернские ведомости. 1854. № 1. Часть неофиц.
 7. Воронов Н.В. Самарский уезд // Самарские губернские ведомости. 1857. № 20–23. Часть неофиц.
 8. Край Богатовский (Очерки истории Богатовского района с древности до начала XX века). Самара, 2001.
 9. Поволжье – «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI – начало XX в.). Самара, 2007.
 10. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XVI – первая половина XIX века. Самара, 2000.
 11. Каминский А. Краткий очерк быта и состояния крестьян Самарского удельного имения, 1854 г. Извлечение. Быт и нравственность татар // Самарская область. Этнос и культура: информационный вестник. 1996. № 3. С. 27–29
 12. Зеленин Д.К. Описание рукописей архива императорского Русского Географического общества. Пг., 1916. Вып. 3.
 13. Ряжев А.С. Епископ Иаков о поволжских старообрядцах // Самарский краевед. Самара, 1994. С. 21.
 14. Крылов Г.З. Автор Самарского знамени // Году России в Болгарии посвящается: 130-летие окончания Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и освобождения Болгарии. М., 2008. С. 44–48.
 15. Артамонова Л.М. Сбор крестьянами правобережных селений Самарского края сведений для Русского Географического общества в 1847 г. // Самарская область. Этнос и культура: информационный вестник. 1996. № 3. С. 33–35.
 16. Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города. Самара, 1877. С. 302–303.
 17. Список населенных мест по сведениям 1859 года. СПб., 1864. Т. XXXVI. Самарская губерния. С. XXXV, XXXVIII.

*Yu.N. Smirnov**

MATERIALS ABOUT PRE-REFORM SAMARA PEASANTRY IN RUSSIAN GEOGRAPHIC SOCIETY AND THEIR AUTHORS

In the article historical and cultural, statistical and ethnographic materials about rural population of the Samara Volga region in the middle of the XIX century which were received in the Russian Geographical society and also social and professional composition of their authors is viewed.

Key words: Russia in the XIX century, history of Volga region. local history, source studies, provincial culture.

* *Smirnov Yuriy Nikolaevich* (smirnov195503@yandex.ru), the Dept. of Scientific Discipline of Documentation, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.